

Петров Андрей
(коммюнизм)

02.09.05

Композитор
Андрей ПЕТРОВ:
**«Я бы подписался
против
«Фабрики звезд»**

Андрей Морозов

Сегодня Андрею Петрову, одному из известнейших российских композиторов, автору музыки к фильмам Эльдара Рязанова и Георгия Данелия, исполняется 75 лет. В свой день рождения маэстро даст гала-концерт в Михайловском замке Санкт-Петербурга. Чуть позже в Москве и Питере пройдет целый фестиваль его произведений, в рамках которого состоится премьера... рок-мюзикла юбиляра. О своих новых работах, о том, почему он ненавидит попсу и блатные песни, но ценит Шевчука, Гребенщикова и Шнура, Андрей ПЕТРОВ рассказал корреспонденту «Новых Известий».

— Андрей Павлович, какой подарок к юбилею для вас был бы самым приятным?

— Юбилеев у меня было уже много, и к подаркам я отношусь спокойно. Самым лучшим для меня в этот раз, поверьте, будет успех у слушателей моего нового крупного сочинения. Его премьера состоится в октябре на юбилейном фестивале моей музыки, который называется «Сотворение мира продолжается». На нем состоится премьера рок-мюзикла «Синяя птица». В свое время я написал музыку к одноименному фильму, потом моя дочь написала самостоятельно музыку к театральному спектаклю по этой пьесе Метерлинка. Поскольку у нас есть опыт написания музыки вдвоем (так мы писали музыку к сериалу «Петербургские тайны»), то мы решили работать вместе и в «Синей птице».

Окончание на стр. 22

Новые Известия - 2005 - 2 сен. - с. 1, 22.

Композитор Андрей ПЕТРОВ:

«Я бы подписался против «Фабрики звезд»

Окончание. Начало на стр. 1

– Удивительно, в вашем возрасте люди становятся консерваторами, а вы рок-музыку пишете.

– Сейчас записывается диск, где мои песни будут исполнять самые модные и современные группы, начиная со Шнура.

– Его песни отличаются от ваших, мягко говоря, очень заметно. Как вы сами относитесь к тому, что он делает?

– Мне многое нравится из того, что он делает, но прежде всего он мне нравится как личность, я немного с ним знаком. То, что он делает на сцене, это маска. На самом деле он очень спокойный, образованный и интеллигентный человек, интересующийся философией, и историей. Недавно сняли фильм к 60-летию Победы о блокаде Ленинграда. Так вот ведущим этого фильма был Шнур. Он для этого и хорошую песню в стиле военных лет написал.

– Судя по вашему фестивалю, ваша творческая жизнь еще вовсю бурлит.

– Вообще-то, да. Перед музыком «Синяя птица» я сделал сюиту «Уличные мелодии в смокингах». Я выбрал самые известные свои мелодии из кинофильмов, где они звучали по полторы-две минуты в исполнении аккордеона, гитары или саксофона, и делал симфонические транскрипции для филармонического оркестра. Мне кажется, что сегодня не хватает такой легкой музыки. Новая современная музыка часто очень сложна, а продолжения линии Штраус – Гершвин – Дунаевский нет.

На моем фестивале состоится еще одна премьера совершенно нового произведения – «Прощание с...». С возрастом мы все чаще с чем-то и с кем-то прощаемся – с молодостью, мечтами, друзьями, любимыми женщинами. Но это не погребальное сочинение, не реквием, а просто ностальгическое произведение. Потому что еще остались друзья и мечты. Это произведение очень важное для меня, оно довольно крупное, почти как симфония – около 20 минут.

– Вы почти 40 лет руководите отделением Союза композиторов в своем городе. Какова разница в отношениях союза с властью в прежние времена и сейчас?

– Разница, конечно, есть. Тогда было намного сложнее в идеологическом и эстетическом плане, но при этом мы получали от власти финансовую поддержку – концерты и фестивали, которые устраивал наш союз, да и само его существование финансировал город.

Сейчас полная идеологическая и эстетическая свобода и полная свобода от материальной помощи. Финансово мы должны выживать сами. От города союз получил здание на 25 лет с правом субаренды. Часть служебных помещений мы отдаем в аренду, два концертных зала иногда сдаем для проведения симпозиумов или концертов. Заработанных таким образом денег хватает для содержания очень небольшого штата и оплаты коммунальных услуг.

– И сколько членов в вашем союзе?

– Немногим больше двухсот. Из них две трети композиторы и треть – музыковеды.

– Тихон Хренников рассказывал, как он в бытность своего председательства в Союзе композиторов спасал музыкантов от репрессий. Ни один композитор при нем не был посажен или расстрелян, но при этом власть гнобила их другим путем...

– Да-да, они это умели. Это мы знаем.

– Скажите, а вы как-то помогли музыкантам, когда возглавили ленинградское отделение?

– Это было уже другое время, меня избрали десять лет спустя после смерти Ста-

лина. Руководить музыкой было трудно, но там, где искусство носило более массовый характер и имело дело со словом – кино или литератур, – было еще сложнее. В нашем союзе могли придаться к композиторам-песенникам: «Почему музыка у вас упадочная, цыганская?». Не более того. В крупные произведения композиторов особенно востребованы боялись, потому что ничего не понимали в симфониях и балете, придирались в основном к текстам песен и стилю.

– Сейчас Союз композиторов стал более демократичным?

– Дело в том, что у нашего союза академическое направление, и по уставу в него принимаются композиторы, имеющие высшее консерваторское образование.

«Если бы меня спросили: «Кого из рокеров вы можете выделить как талант?», то номером один я назвал бы Шевчука, потом Гребенщикова и Макаревича»

Или, в крайнем случае, имеющее очень яркое дарование.

– Шнур может стать членом вашего союза?

– Шнур? Вот Борис Гребенщиков хотел вступить, мы сидели с ним, и я ему рассказывал, какие секции есть в нашем союзе – симфонической музыки, камерной, хоровой, детской, есть секция фольклора, музыкально-эстрадная. Еще есть секция массовых жанров, но там в основном продолжают традиции советской песни. У нас нет ни одного композитора, работающего в стиле рок. Гребенщикову я сказал, что было бы разумнее создать ассоциацию рок-музыкантов или свой творческий союз. К тому же надо учесть и слишком разный образ жизни рокеров и членов нашего союза. Мы разговариваем все-таки немного на разных языках. Безусловно, там есть талантливые люди, и если бы меня спросили: «Кого вы можете выделить как талант?», то номером один я назвал бы Шевчука, потом Гребенщикова и Макаревича»

мером один я назвал бы Шевчука, потом Гребенщикова и Макаревича. И еще мне нравятся песни Матвиенко, который пишет для «Любэ». У нас в союзе есть представитель этого жанра – Корнелюк, он закончил консерваторию и автор симфонии. Прием его в союз прошел очень гладко, но он, к сожалению, практически не принимает участия в его жизни.

– Вы были депутатом многих советов. Заседания и съезды не мешали творчеству?

– Еще как мешали и отвлекали! Тем более что у нас любили приглашать на заседания в райком, горком или в обком почему-то именно к 10 утра. Если посидишь на таком заседании часа два, то считай, что весь день насмарку. Но в каждом отрицательном явлении надо искать что-то положительное. Так благодаря этим заседаниям и сессиям я стал ценить время. Я даже научился писать, сидя в президиумах.

– Например, что написали в таком режиме?

– «Песню о друге» из фильма «Путь к причалу».

– И вас не раскусили сидящие рядом начальники?

– Нет, я писал не нотами, а буквами. Каждая нота имеет свое буквенное обозначение, так я записывал мелодии.

– И часто мелодии рождались вот так, на ходу?

– Я обращал внимание, что мелодии чаще появлялись, когда я сам был в движении. Как-то я отдыхал в Юрмале, гулял по пляжу, и во время этой прогулки родилась мелодия романа «Мохнатый шмель». Это бывало и в других случаях, например, если я ехал в автобусе.

– Вы ездите на автобусах?

– И тогда ездил, и сейчас тоже. У меня есть своя теория о том, что нельзя абсолютно разрывать с прошлым, нельзя менять свой образ жизни, который был у тебя в молодости. От этого человек быстрее стареет. Нужно делать то, что ты делал будучи молодым – проехаться в метро, сходить в магазин.

Петров: живем и в бронзе.

Андрей ПЕТРОВ родился 2 сентября 1930 года в Ленинграде. В 1954 году окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции. Начиная карьеру как редактор в издательстве «Музгиз». На его счету две оперы («Петр I» и «Маяковский начинается»), балеты, среди которых «Сотворение мира», вокально-хореографическая симфония «Пушкин», крупные симфонические сочинения и множество камерных, вокальных и инструментальных опусов. Популярность принесла музыка к кинофильмам «Человек-амфибия», «Берегись автомобиля», «Служебный роман», «Гараж». Сотрудничал с режиссерами Георгием Данелией, Эльдаром Рязановым, Виталием Мельниковым. В 1964 году по рекомендации Дмитрия Шостаковича возглавил Союз композиторов Ленинграда. Сегодня Андрей Петров почетный гражданин Санкт-Петербурга. Народный артист СССР, лауреат Госпремии СССР и РФ, а также кинопремий «Ника», «Золотой орел», «Золотой овен». Награжден орденом Ленина и орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

– И вы это все делаете?

– Не ежедневно, но часто. К тому же, если жизнь похожа на схему «квартира – машина – учреждение – машина – квартира», это очень психологически давит на человека.

– Как вы думаете, почему оттепель 60-х годов дала стране столько новых имен в поэзии, музыке, кино, на эстраде и почему свобода 90-х породила одну лишь попсу?

– Если говорить о серьезной музыке, то после Стравинского, Прокофьева, Шостаковича, Шнитке больше значительного ничего не было. Никаких принципиально новых идей не появилось, и не случайно сейчас очень много возвращений – неоклассицизм, неоконсерватизм.

– Получается некий тупик?

– Получается, что да. Как говорится, в искусстве сейчас пересменка. В искусстве, в истории культуры всегда бывает некий взрыв, после него затишье, а потом снова взрыв. Например, все попсовые песни сегодня – это абсолютно советские эстрадные песни 60-х годов.

– Но те песни до сих пор поют, как ни странно.

– Я имею в виду не талант, а стилистику. Сегодня пытаются делать песни по тому же принципу, что и раньше, – чтобы запомнили. Но сегодняшние песни еще отличаются и внешним антуражем – электронной оркестровкой, светом, костюмами, хождением по сцене. Принципиально ничего нового с художественной точки зрения в этом нет, это всего лишь гарнир.

– Значит, зря в пятидесятые «Ландыши» ругали?

– Ругать не соответствовала объекту. Я не скажу, что эта песня гениальная, она простенькая. Если бы ее пел я, то делал бы это немножко с юмором. А на нее так обрушились тогда все, что можно было подумать, что это гимн фашистов.

– В советские годы были модны письма деятелей общественности с протестом против чего-то или кого-то. Вас привлекали к подписанию таких писем?

– Что касается искусства, то нет. Сейчас я с удовольствием подписал бы коллективное письмо против «Фабрики звезд».

– Вас не смущает огромное количество песен уголовно-криминального жанра?

– Меня это корбит. И моя первая реакция была – изумление. Я хорошо помню, что в прежние времена и по радио, и по телевидению были трансляции опер, балетов, симфонических концертов. Раньше, по наивности, я думал, что зря ругают власть, которая старалась воспитывать народ на классике. Но оказалось, что когда все стало дозволено, то симфонии и балеты никому не нужны. Такое ощущение, что народ только и ждал перестройки и свободы, чтобы запеть блатные песни...

Свободное время композитор предпочитает проводить на даче с женой.